

أقر عينه – радовать глаз.

И словосочетания:

فرحة العين – радость/зеница ока

قرير العين – довольный, радостный [2]

Как мы видим, симптоматические выражения, обозначающие радость, во всех трех языках располагают богатым и разнообразным материалом. Среди рассмотренных выше симптоматических выражений на обозначение радости имеются выражения, которые описывают явные признаки и проявления эмоции, такие как: смех, улыбка, учащенное сердцебиение, физическая активность. Следует отметить тот факт, что все эти проявления находят свое отражение в трех языках. Причиной этому может послужить то, что эмоция радости сама по себе универсальна, и имеет одинаковый набор ее проявления у людей. С другой стороны, есть многочисленное количество выражений, обозначающих радость, которые не связаны с явными моторными проявлениями радости. В силу того, что общие черты данных идиом опираются на образ мыслей и психологию людей, мы имеем ряд общих метафор для данных языков. Но так как влияние культуры и социума велико, то существует еще ряд идиом свойственных только лишь одному из изучаемых языков. В данном случае мы рассмотрели метафору «холода», обозначающую радость в арабском языке, а также влияние религиозных особенностей на формирование идиоматических выражений.

Все проведенное выше научное изыскание показывает, что исследования в области арабской фразеологии актуальны и необходимы для ее систематизации и развития.

Источники и литература:

1. Lakoff G. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago, London, 2004. – 256 p.
2. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь : арабско-русский словарь : в 2 т. / Х. К. Баранов. – 11-е изд., стереотип. – М. : Живой язык, 2006. – 456 с.
3. Борисов В. М. Русско-арабский словарь : более 42000 слов : русско-арабский словарь / В. М. Борисов; под ред. В. М. Белкина. – М. : Валерий Костин, 2008. – 1120 с.
4. Изард К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – СПб. : Питер, 2011 (оригинальное издание – Izard Carrol E. *The Psychology of Emotions* / Carrol E. Izard. – N. Y., 1991). – 461 с.
5. Ильин Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2001. – 752 с. – (Мастера психологии).
6. Иорданская Л. Н. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств / Л. Н. Иорданская // *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. – 1972. – Вып. 16.
7. Кодухов В. И. Введение в языкознание : учеб. для студ. / В. И. Кодухов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1987. – 288 с
8. Маклаков А. Г. Общая психология : учеб. / А. Г. Маклаков. – СПб. : Питер, 2001. – 592 с. : ил. – (Учебник нового века).
9. Салех Ахмед Мухаммед. Контрастивные особенности семантики несвободных сочетаний русского языка, выражающих эмоции : дисс. ... канд. филол. наук / Салех Ахмед Мухаммед. – М., 1993.
10. Фавзи А. М. Учебный русско-арабский фразеологический словарь : около 900 фразеологизмов : учеб. словарь / А. М. Фавзи, В. Т. Шкляр. – М. : Русский язык, 1989. – 616 с.

Тулуп Э.Р.

УДК 821.111(411):264.931

ВИЛЬЯМ ДУНБАР И ЕГО ПОЭЗИЯ: ГЕРОИЧЕСКИЕ И АНТИГЕРОИЧЕСКИЕ МОТИВЫ

Введение в проблематику. Вильям Дунбар (ок.1460 – ок.1525) – один из самых крупных европейских поэтов XV в., позднего Средневековья и раннего Ренессанса. Для английской же и шотландской литературы он (по мнению многих ученых [1]) – ярчайшая фигура в промежутке между Дж. Чосером и В. Шекспиром.

В одной из предшествующих наших работ нами уже рассматривались вопросы реконструкции биографии Вильяма Дунбара (далее ВД), а также его жанровых традиций и новаций [3]. В настоящей публикации в центре нашего внимания будет другая проблематика, а именно: героические мотивы, их наличие/отсутствие/трансформации в поэзии ВД. *Актуальность* этой проблемы (и сопутствующих ей вопросов) видится нам в том, что сама эпоха ВД безусловно героична – не менее, если не более, чем эпохи-предшественницы и эпохи-наследницы [2]. Если ВД – писатель первого ряда, он не может не быть выразителем умонастроений своего времени. Однако ни в одной из известных нам литературоведческих работ о ВД, как отечественных, так и зарубежных (их обзор см. в [3]), даже не ставится вопрос о героических темах, топосах, персонажах, сюжетных ситуациях в художественном мире ВД.

Тому есть свои объяснения. Действительно, на первый взгляд, в мире ВД героическое начало отсутствует. Подтверждают это сами дунбаровские текстонимы-названия его произведений. Приведем лишь некоторые из них, ключевые: «Словопрение Дунбара и Кеннеди» (≈1492-93, первое относительно надежно датированное творение поэта), «Златой щит» (*The Golden Targe*, 1503) и «Репей и Роза» (*The Thrissil and the Rose*, 1503), две аллегорические поэмы, связанные с женитьбой шотландского короля Якова IV

Стюарта (1488–1513) на английской принцессе Маргарите, дочери английского короля Генриха VII (1503), «Две кумушки» (The Tway Summeris, до 1503-07), «Жалоба старого старого сивки Дунбара» (The Petition of the Gray Horse, Auld Dumbar [17, с. 140-142]), «Досточтимый шут» (перевод по контексту; в оригинале имя придворного шута, вместе с этикетным обращением к рыцарю «сир») и т.п. – см. также ниже. Получается парадокс: героическая эпоха породила великого, но совершенно не героического певца.

Новизна нашей гипотезы (проверяемой далее текстами ВД) состоит именно в предположении, что героика в картине мира ВД присутствует, но 1) или в нетрадиционном воплощении, 2) или в реверсивном, «обратном» виде – в том, кто попадает у ВД в ряд антигероев и изображен «антигероическими» художественными средствами.

Проверка указанной гипотезы – *цель* нашей работы. Ее *задачи* – анализ «негероических» / «антигероических» произведений ВД на 1) персонажном, 2) локальном (топосном) и 3) сюжетном (ситуативном) уровнях для подтверждения/опровержения/развития предложенных идей. *Методы*, используемые нами, включают элементы анализа 1) контекстуального; 2) символического; 3) концептуального (концепция «добра» и «зла» у ВД); 4) историко-культурного и 5) историко-литературного.

Героика и антигероика В. Дунбара: историко-литературный контекст. Героическое начало в средневековой шотландской литературе (как языческого, так и христианского периода) всегда сложно соотносилось с началом героическим. В языческой картине мира герой – её земной центр, высшая ценность «своего» социума, модель для всеобщего подражания. И в то же время герой по нескольким крайне важным параметрам – маргинал «своего» мира; он не похож (и не может быть похожим) на «всех», на обычных, «нормальных» людей [7]. Поэтому им восхищаются, но его и боятся, к нему тянутся, но от него и дистанцируются остальные соплеменники: «люди, как люди», «как все». Его избранность – дар стихий, духов или богов. Однако она же возбуждает «зависть богов», «ревность богов» [8]. По аналогии герой зачастую вызывает такую же зависть или ревность и у других людей. Героизм, т.о., кажется язычнику даром, всегда священным, но не всегда справедливым [5, с. 32-34].

В христианскую эпоху героический идеал перемещается во внутренний мир человека и затрагивает теперь личностные взаимоотношения человека с Богом. Это приводит к тому, что из нового, христианского богослужебного и богословского словаря исчезает старое языческое слово «герой». Но исчезает ли при этом: 1) само понятие «героического» – из менталитета христиан, и 2) тип героического поведения – из их жизненной практики?

Ответ на оба этих вопроса следует дать отрицательный. «Воин Христов» – распространенная фигура красноречия у теологов как Западной, так и Восточной Церкви, восходящая еще к апостольским сравнениям правоверного христианина, подвижника во имя Христа, с воином, терпящим опасности и тяготы своей службы во славу того, кому он служит [6]. В обиходе также все внешние условия жизни первых веков н.э., пока христианство не было еще легализовано, требовали от его последователей героических качеств. Если это были проповедники-миссионеры, от них требовалась недюжинная выносливость, неприхотливость и огромный, даже чисто физический труд. (Ср. Св. Колумбу [4]). Примерно в тех же условиях проповедовали и его предшественники, и его ученики [4]. К тому же многие из миссионеров (а позднее и просто монахов) становились мучениками из-за частых набегов соседних, еще языческих племен (в Шотландии и Англии, например, норманнов) [8]. «Мирской» героизм и сакральность не противоречили еще друг другу ни в идеале, ни в повседневности.

Вильям Дунбар жил и творил уже при конце и этого мироощущения, и этого житейского поведения. Священное «специализировалось»: стало предметом забот, главным образом, духовенства и монашества (притом только лучших его представителей) [14]. Героическое также «специализировалось», отойдя к сфере интересов (и доблестных деяний) рыцарства. Третье сословие: городские ремесленники, купцы, торговцы – постепенно редуцировали и прагматизировали героическую этику раннего христианства. (См. такие произведения ВД, как поэма «Беседа двух мужних жён и одной вдовицы» (The Tretis of the Twa Mariit Wemen and the Wedo [17, с. 134-139]) или его же сатирическое послание «Купцам Эдинбурга».)

Поэтому, как ни парадоксально, в поэзии ВД подлинными героями остались, в мужском варианте «воина веры», – лишь Христос, а в варианте женском, щедрой помощницы всех обездоленных, – лишь Дева Мария. К примеру, гимн ВД «На Воскресение Христово» (см. Приложение 1, On the Resurrection of Christ [17, с. 152-153]) изображает Христа настоящим драконоборцем-победоносцем. (Ср. рыцарский культ Св. Георгия Победоносца (кроме прочего, патрона Англии) и боевой средневековый клич атакующих англичан «Святой Георгий!» [6]).

Христос сражается в этом тексте ВД со своим вечным противником Сатаной как добрый витязь со злым волшебником. Сатана принимает (как и положено злему волшебнику язычества) самые разные отпугивающие обличья: то «черного дракона», то «змия», то «тигра». Причем «тигр» и «змий» ВД описаны предельно пластично: тигр – «старый, хитрый, с хищными зубами, показывавший смертный их оскал»; змий – «жестокий», у него «острейшее из жал». Это картина поединка и Христовой победы столь живописна, что почти затмевает собою собственно религиозное значение кульминационного христианского события – Воскресения Христова («<...> взойшло спасенье и низверглась злоба» [5, с. 94]).

Нечто подобное наблюдаем и в гимнах, адресованных Богородице (например, в «Ane Ballat of our Lady» [17, с. 154-156], рождественском гимне). «Небесная Королева» Дева Мария (the Queen of Heaven) – вполне похожа на Св. Маргариту, королеву Шотландскую: «Славься, крепость безупречна; / Славься, Дево, славься вечно, / Пред Богом блистающа! <...>» (пер. М.Новиковой. – Авт.) Гимны Деве Марии написаны изысканным, метафорическим «золотым слогом» (aureate diction), каким ВД писал о короле Якове IV, своем

покровителе, и о его супруге. «Небеса» при Рождестве Христовом призываются «пролить дожди целющи», ибо «се возшла Звезда Полудня» (т.е. Христос) «от Роз Марии», «всем цветам Царицы» (ros Mary, flour of flouris, пер. М. Новиковой. – Авт.).

Итак, идеал героя-вождя и «отца народа», героини-раздавательницы благ (ср. этимологию титулов «лорд» и «леди» [13]) у ВД ресакрализуется с большой эмоциональной искренностью и поэтическим блеском. Однако ценой этой ресакрализации становится «специализация» героического идеала. Теперь он всецело принадлежит «небесам». Земле, земным людям остается только с благодарностью принимать от «небесных героев» (явно приобретших полу-языческие черты) их благодеяния.

Антигерои В. Дунбара: внутритекстовые контексты. Контрастом (но контрастом, обратно симметричным) сакральным героям ВД являются его антигерои. На уровне сверхчеловеческого иномирно подобным антигероем-оппонентом Христа выступает Сатана. Этот персонаж у ВД также претерпевает если не эволюцию, то, по меньшей мере, трансформации. В раннем, еще беспечно юмористическом «Допросе Дьявола» (Devill's Inquest) антигерой появляется лишь в пародийных целях как воплощенная насмешка над привычкой эдинбуржцев непрерывно и виртуозно чертыхаться. В «Воскресении Христовом» (см. выше) предводитель темных сил изображен саркастично, однако вполне серьезно. Так же серьезен «коллективный портрет» его приспешников: при сошествии Христа во ад «<...> адова закончилась ловитва, / <...> и демоны стенают от стыда <...>» [5, с. 94]. Наконец, мрачный гротеск доминирует в поздней поэмистерии ВД «Пляска Семи Смертных Грехов» [5, с. 96-99] (The Dance of the Sevin Deidly Synnis [17, с. 130-134]). В ней видение темных сил сопровождается адским шутовством и хохотом, но ни автору, ни другим персонажам этого действия от такого зрелища уже не смешно. «Исчадия Сатаны» в этой лирической драме, «танцующи, кричат»; они разодеты, как придворные щеголи (gallantris), и выполняют несколько функций: 1) «актеров» в «постановке» этой «пьесы», «что рассмешить должны» главного беса; 2) хохочущих зрителей («ржала адская толпа»), особенно потешающихся над грешными «попами»; 3) палачей, пытающих персонажей, воплощающих те или иные Смертные Грехи, в прямом соответствии с характером их преступлений (что было нормой для средневековой судебно-карательной практики). Так, «мародер, и поставщик, и скупердяй, и ростовщик» употребляли при жизни во зло материальные ценности – в аду «из горла их кипел и тек / слепучий золота поток <...>», причем, когда он иссякал, «вливали бесы новый в них, / фальшивый, как они». Лениость и её товарищей «единой цепью <...> сковал / в большую упряжь Велиал», выезжающий на ней и поддувающий костер – «жечь пятки у нее», чтобы поторопить ленивцев. Чревоугодникам и пьяницам «бесы в глот <...> / горячий вылили свинец, / чтоб печень подлечить [5, с. 99]».

От шутов до палачей – так меняется изображение потусторонних сил зла у ВД. От добродушного смеха до яростной, угрюмой, торжествующей издёвки – так трансформируется модус авторского повествования о них.

Схожий путь проделали в поэзии ВД антигерои земного, «посюстороннего» мира. Свокорыстие и мелочный эгоизм купцов-эдинбуржцев (Merchantis of Edinburgh) ВД, конечно, оценивает негативно. Однако рисуются их фигуры на фоне колоритных сценок эдинбургского повседневного быта (один из первых урбанистических опытов в шотландской поэзии – традиция, которую сможет продолжить лишь в XVIII веке Роберт Фергюсон). На таком фоне грехи купцов отступают в тень – во всяком случае, они не выглядят «смертными», и расплавленное золото в горло купцам бесы не вливают. Эдинбургская привычка ругаться и поминать нечистого («Допрос Дьявола») также заслуживает, по Дунбару, осуждения. Но в портрете Гнева и его свиты («Пляска Семи Смертных Грехов») проклятия и брань соседствуют уже не со смехом, а со смертью: «Тогда ворвался лютый Гнев: / сжимая меч, / разинув зев, / рычал он, как медведь, / и все хвальбы, и все клятбы / шли – в ожиданье молотбы / готовы зареветь. <...> / Кто бил наотмашь палашом, / кто бердышом, а кто ножом, / чтоб жертве умереть» [5, с. 97]. Аналогично, в ранней поэме «Словоприение» (The Flyting) ВД упрекает в бесполезности своего соперника, гэлязычного поэта Кеннеди (вероятно, одного из последних поэтов-гэлов в окружении королей Стюартов). Тем не менее, и эта достаточно едкая инвектива далека от того «желтым желтого» монстра, каким предстает в «Пляске Семи Смертных Грехов» Зависть, или от упоминания единственного «стихотворца», которого автор увидел в этой адской пляске: «Но вдохновенного лица: / ни стихотворца, ни певца – я там не увидал. Один там был, но он убил, / свой дар за деньги загубил / и праву казнь приял» [5, с. 99]. Поэт-убийца – верх антигероизма среди антигероев ВД.

Заключение. Суммируя всё сказанное, можно придти к нескольким выводам.

1. Героические мотивы в творчестве Вильяма Дунбара тесно связаны с его особым местом в истории литературы: местом завершителя шотландского Средневековья и начинателя новой духовной и культурной эпохи – Ренессанса.

2. В этот переходный период уже произошла ломка прежней картины мира, однако еще не закончилось формирование новой картины мира.

3. Именно медиальный, порубежный характер творчества Дунбара повлиял на авторскую оценку своих персонажей, героев и антигероев, а также на их текстовую презентацию, как символическую, так и жанровую.

4. От традиций Средневековья герои/антигерои Дунбара сохранили четкость оценочного модуса (персонажи «добрые» VS «злые»), акцент на их физической символической, а не на психологических портретах, открытое авторское комментирование людей, мест и событий (или иначе – субъектов, топосов и предикатов действия), аллегоризм, нередко усложняющийся уже до многозначной символической, однако в ряде

текстов (особенно в «посрамлениях» и «славословиях») сохраняющий ещё средневековую этическую и художественную прямолинейность, однозначность.

5. От Ренессанса, вместе с тем, в героическую/ «безгеройную»/ антигероическую парадигму оценок и характеристик дунбаровских персонажей вошло не меньше нового. Автохарактеристика самого «Я»-Поэта (в особенности характеристика непрямая) ни этически, ни психологически далеко уже не однозначна. Грехи, пороки, вообще, зло – в открытых авторских декларациях Дунбаром безусловно осуждаются. Но их изображение по своей свежести и экспрессии намного превышает изображение добродетелей (которые либо становятся у Дунбара аллегорически-условными, либо эстетизируются).

6. Усиление непосредственного авторского присутствия в стихах (исповедальность, биографические детали, подробности знакомого автору придворного быта, аллюзии на реальных современников поэта и др.) тоже ещё отмечены всё тем же свойством переходности, гибридности средневековых и ренессансных признаков. Литературная исповедальность Дунбара ещё не утратил связи с действительной, религиозной исповедью, но уже приобрела оттенок «покаяния без раскаяния». Отсюда – нарастающие меланхолические (и даже мизантропические) ноты в дунбаровском переживании «земного» зла и добра: добро в этом мире не вознаграждается, зло не карается (лейтмотив будущего знаменитого («гамлетовского») 66-го сонета В.Шекспира). Поэтому героика по-дунбаровски – это скорее мужество хотя бы какого-то сопротивления злу, неполная капитуляция перед ним. Пассивное же безразличие к христианской этике, ранний, наивный ещё гедонизм Дунбара влекут за собой «безгеройность» его ранних произведений. Дунбар поздний, летописец «мира без этики», уповает теперь лишь на небесную милость и справедливость. Поэта хватает уже только на мрачное торжество, с каким он описывает адские пытки грешников, и на собственное, столь же мрачное достоинство перед лицом недугов, старости, смерти, тления, уравнивающих и добрых, и злых.

Источники и литература:

1. Вильям Дунбар // История английской литературы / под ред.: проф. М. П. Алексеева и др. – М., Л., 1943. – С. 87-89.
2. Литература Западной Европы раннего Средневековья / С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, Е. М. Мелетинский и др. // История всемирной литературы : в 9 т. – М., 1984. – Т. 2.
3. Новикова М. А. Вильям Дунбар: лирическая драматургия и её мифоритуальные истоки / М. А. Новикова, Э. Р. Тулуп // Вестник Крымских литературных чтений : сб. науч. статей и материалов. – Херсон : Изд-во ХГУ, 2012. – Вып. 8. – С. 94-99.
4. Новикова М. А. Героические мотивы: люди Церкви / М. А. Новикова, Э. Р. Тулуп // Культура народов Причерноморья. – Симферополь : Изд-во ТНУ им. В. И. Вернадского, 2011. – № 211. – С. 145-149.
5. Новикова М. А. Шотландии кровавая луна: Антология шотландской поэзии (с XIII-го века до века XX-го) / М. А. Новикова. – Симферополь, 2007. – 320 с.
6. Федосов Д. Г. Рожденная в битвах: Шотландия до конца XIV в. / Д. Г. Федосов. – М., 1996. – 238 с.
7. Aitken William Russel (ed.). William Dunbar / William Russel Aitken (ed.) // Scottish Literature in English and Scots: A Guide to Information Sources : American Literature and World Literature in English. – Detroit, 1982. – Vol. 37.
8. Blanchôt Jean-Jacques. Dunbar and his Critics: A Critical Survey / Jean-Jacques Blanchôt, William Dunbar // Scottish Language and Literature, Medieval and Renaissance. Scottish Studies / Ed. by Dietrich Strauss, Horst W. Drescher. – Frankfurt am Main, 1986. – Vol. 4.
9. Gardiner Leslie. The Love of Scotland / Leslie Gardiner. – Lnd., 1992.
10. Heidtmann Peter. A Bibliography of Henryson, Dunbar and Douglas, 1912-1968 / Peter Heidtmann, Robert Henryson, William Dunbar, Gawen Douglas // Chaucer Review. – 1970. – № 5.
11. Holden Alfred M. A Biographical History of English Literature / Alfred M. Holden. – Lnd., 1893.
12. Kaufman J. De la langue du poète Dunbar, sa vie et choix de ses poesies / J. Kaufman, William Dunbar. – Bonn, 1873.
13. Online Etymology Dictionary : [Electronic resource]. – 2001. – Available at : <http://www.etymonline.com/>
14. Paterson J. Life and poems of W. Dunbar / J. Paterson, William Dunbar. – Edinburgh, 1960.
15. Rowland Beryl. The Middle Ages. The Scottish poets: Henryson and Dunbar / Beryl Rowland, Robert Henryson, William Dunbar // Poetry in English. An Anthology. – N. Y., Oxford, 1987.
16. Scheps Walter. Chaucer and the Middle Ages Scots Poets / Walter Scheps, William Dunbar // Studies in Scottish Literature. – 1987. – № 22.
17. Scott Tom. Introduction / Tom Scott, William Dunbar // The Penguin Book of Scottish Verse / Introduced and edited by Tom Scott. – Harmondsworth, 1981. – P. 520.
18. Smeaton W. H. O. W. Dunbar / W. H. O. Smeaton. – N. Y., 1898.

Приложение 1.

Вильям Дунбар
(?1460 – ?1525)

На Воскресение Христово
(Отрывок)

С драконом чёрным завершилась битва,
И утвердилось торжество Христа,
И адова закончилась ловитва,
И знамение воздвигнулось Креста,
И демоны стенают от стыда:
Взошло спасенье и низверглась злоба.
Господь нам кровью искупил счётá.
Христос вокресе бо из гроба.

Кто долго так охотился за нами:
Жестокий змий, острейшее из жал,
Тигр старый, хитрый, с хищными зубами,
Показывавший смертный их оскал,
Кто вгрызться в нас уверенно желал,
Того трясется ныне вся утроба.
Господь его, убийцу, удержал.
Христос вокресе бо из гроба.

Пер. Марины Новиковой [5, с. 94]

Приложение 2. Комментарий проф. Тома Скотта.

Вильям Дунбар был, по всей видимости, младшим сыном в семействе Дунбаров и, таким образом, изначально воспитывался для церковной деятельности. Подобно всем шотландским поэтам той поры, Дунбар вскормлен ведущими общеевропейскими традициями – французскими прежде всего.

Дунбар – прирожденный лирик. Это поэт деталей, поэт переменчивых настроений. Стихи его – чаще душевные излияния, чем сюжетные истории. Его жалобы на пороки двора, суда, Церкви, городской жизни по-настоящему поэтичны. <...> в «Рассуждениях двух мужних жён и одной вдовицы» Дунбар прекрасен и как бытописатель. А в стихах религиозных и медитативных Дунбар и вовсе становится голосом всего своего века – или даже всего человечества. Таковы «Жалоба певца», «Зимние размышления», церковные песнопения и некоторые другие стихи. (Перевод-дайджест М. Новиковой).

Черновалюк И.В.

УДК 376.68:378.22:811.161.1

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ АСПИРАНТОВ

Аспирантский курс существенно отличается от других курсов для иностранных учащихся, во-первых, своей непродолжительностью, во-вторых, большой ответственностью за качество подготовки иностранных специалистов высшей квалификации и успешную реализацию их научно-исследовательской деятельности. В аспекте комплексной подготовки иностранных аспирантов трудно переоценить роль русского языка как языка научной коммуникации и профессионального общения. Русский язык для иностранных аспирантов приобретает особую значимость, т.к. является важнейшей составной частью учебного процесса и фактором успешной реализации научно-исследовательского потенциала. Качество и результат научно-исследовательской и учебной деятельности аспирантов напрямую зависит от уровня владения языком [9:306]. С учетом современных тенденций, характерных для образовательной сферы, задач, стоящих перед высшей школой, и требований, предъявляемых к выпускникам высших учебных заведений, включая послевузовское образование, оправданным можно считать предложение направить педагогические усилия на повышение качества и совершенствование процесса обучения, чем и обусловлена *актуальность* данного исследования.

Цель данной статьи – рассмотреть основные пути оптимизации как перспективного направления повышения эффективности обучения иностранных аспирантов, особенности обучения языку на основе научного стиля и научного текста как ведущей коммуникативной единицы, а также обобщить и систематизировать опыт работы с данным контингентом учащихся.

Организация процесса обучения, оптимизация его форм являются одним из центральных объектов изучения в педагогике, лингводидактике и психологии (Ю.К.Бабанский, В.В.Давыдов, А.К.Маркова, П.Я.Гальперин, Н.Ф.Талызина, А.М.Матюшкин, И.М.Лернер, Н.В.Кузьмина, А.А.Леонтьев, И.И.Ильясов и др.), выявляются позитивные тенденции в условиях новой организации обучения как активного учебного взаимодействия и новой форме педагогического общения. Так, в качестве одной из позитивных тенденций отмечается «переход от информативных форм к активным методам и формам обучения с включением элементов проблемности, научного поиска, широким использованием резервов самостоятельной работы студентов» [7:30].

Оптимизация (от лат. *optimus* – наилучший) процесса обучения предполагает научно обоснованный выбор и осуществление наилучшего для данных условий варианта обучения с точки зрения решения его